

Временное правительство и информационные коммуникации России в марте — сентябре 1917 г.

Любая революция — сложное и многоплановое явление. Эффективность действий власти или оппозиции, степень их влияния на массы в это время во многом зависели от контроля за транспортно-информационной инфраструктурой. Это объясняется тем, что в ходе социальных трансформаций власть испытывает чрезмерные нагрузки, экономическая и социально-политическая ситуация постоянно меняются, резко обостряется дихотомия «центр — провинция». На огромных пространствах России эти явления приобрели первостепенное значение. Историки постоянно обращали внимание на особую роль связи в событиях 1917 г. «Русская революция, — пишет Д. Боффа, — первой в истории человечества сполна использовала современные средства связи. Это не означает, что она была совершена по телеграфу, но повсюду захват почты, телефона, железнодорожных станций представлял важнейший акт восстания»¹.

Связистам, несомненно, принадлежит одна из главных заслуг в быстрой победе Февральской революции. С 23 февраля 1917 г. царское правительство ввело жесткую цензуру на все сообщения из Петрограда, а Петроградское телеграфное агентство (ПТА) перестало передавать известия. Информационная блокада, при помощи которой царская администрация попыталась изолировать столицу, была прорвана связистами. Уже с 24 февраля петроградские связисты начали передавать сведения о беспорядках в столице нелегально, по служебному обмену, в результате страна стала полниться слухами. С 25 — 26 февраля, когда армия в Петрограде перешла на сторону восставших, циркулярные депеши из Петрограда пошли потоком по всей стране. Со 2 марта, после отречения Николая II, заработало ПТА, которое стало рассылать информацию Петросовета и Временного правительства. Телеграфисты и радисты, как и в период мобилизации 1914 г., сутками не выходили из аппаратных залов, отдыхали на рабочих местах, но непрерывно

¹ Боффа Д. История Советского Союза. — М., 1994. — Т. 1. — С. 55; Д. Боффа повторяет мысль историка Р. Петриджа. См.: Petbridge. R. The significance of communication in 1917. // Soviet studies. vol. XIX. — № 1, p. 14.

передавали новости и распоряжения новой власти. Они же обеспечивали и прием известий из провинций. Благодаря этому в Петрограде отслеживали ситуацию по стране и могли достаточно оперативно влиять на местные события. Не стал исключением и Урал. В победе революции в Урало-Поволжском регионе связисты сыграли одну из первых ролей. Не случайно участник тех событий дал их работе высокую оценку: февральская революция на Урал была привнесена по телеграфу в запечатанном конверте¹.

Борьба за власть на протяжении 1917 г. разворачивалась на фоне общего падения производства и углубления экономического кризиса. Это обернулось деструктивными процессами и в средствах передачи данных. Тема технического состояния и развития связи, особенностей кризисных явлений в коммуникациях в 1917 г. не получила освещения в отечественной историографии. Между тем в условиях революции политические и информационные вопросы связаны настолько тесно, что невнимание к какому-либо одному из них мгновенно выливается в кризис власти.

Во Временное правительство вошли лучшие представители российского бизнеса, цвет юридической мысли и политического истеблишмента. К сожалению, замечательные дипломаты, банкиры, предприниматели и лидеры российского либерализма оказались плохими хозяйственниками. В 1917 г. уровень валовой продукции отечественной промышленности снизился по сравнению с 1913 г. до 70%, а по ряду отраслей группы Б — до половины. К началу 1918 г. производительность труда в индустриальном секторе составляла всего 41% от показателей 1913 г., а темпы прироста валовой продукции упали на четверть в сравнении с началом мировой войны². Послефевральский период ознаменовался и серьезными структурными сдвигами экономики, которые были более опасны, чем простое количественное падение производства. Возросли диспропорции в развитии отдельных секторов экономики, прекратилось обновление основного капитала, оборудование работало на полный износ. Топливный и сырьевой кризисы подорвали основу материального производства страны, стали составной частью

¹ См.: Подшивалов И. Гражданская война на Урале (Опыт военно-исторического исследования). — М. 1925. — С. 51; С такой оценкой не согласны многие историки. Так, самарские обществоведы считают, что февральская революция на Урале была порождена целым комплексом противоречий, поэтому говорить о «телеграфной революции» и запечатанных конвертах — не корректно. — См.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. — М., 2005. — Т. 2: XX в. (1918 — 1998 гг.). — С. 7.

² См.: История социалистической экономики. — М., 1976. — Т. 1. — С. 147; Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е гг. XX вв.). — М. 1994. — С. 292–293.

общенационального кризиса России. Кризисное состояние переживали и сервисные отрасли российской экономики. Уже летом 1917 г. положение на железных дорогах стало просто отчаянным: солдатские массы захватывали эшелоны, а бригады поездов просто разбегались, чтобы избежать насилия. По мнению некоторых современных исследователей, осенью 1917 г. кризис на железных дорогах перерос в хаос и анархию¹.

В кризисе в 1917 г. находилась и связь. В неустойчивое состояние средства связи вошли еще в годы мировой войны. Поскольку российская армия не имела своей системы связи, как особого рода войск, то всю нагрузку по обеспечению информационного обмена фронта и тыла пришлось нести почтово-телеграфному ведомству и гражданским учреждениям связи. За годы войны в армию ушло около 15 тыс. связистов (из 51 тыс. работающих в ведомстве), было открыто 5 полевых почтово-телеграфных отделов при штабах фронтов, более 600 полевых контор, 102 рабочие колонны проложили более 75 тыс. верст только прямых проводов в прифронтовой полосе, а также между г. Петроградом и фронтами. В армию было передано более 600 комплектов аппаратуры дальней телеграфной связи². За счет чрезвычайных военных кредитов, ограничения приема гражданской корреспонденции, работы всей сети учреждений в военном режиме отрасль связь смогла поддерживать хотя бы минимальный уровень информационных потребностей фронта и тыла. При этом военные нагрузки оказались явно не по силам отечественным средствам связи: на протяжении 3 военных лет отрасль не получала необходимых средств, оборудование работало на полный технический износ, а с 1916 г. прекратились и ремонтные работы³. Кризисные явления проявились и на коммуникациях Урала. Для примера укажем, что даже телеграфный обмен между губерниями и учреждениями края затягивался на несколько дней. Так, в 1916 г. на горнозаводском Урале выявился острый недостаток муки. Ее можно было подвести из Сибири, но не хватало порожних вагонов. Богословская железная дорога представила порожняк для перевозки продовольствия, но они стояли на ст. Косулино горнозаводской железной дороги, т.к. телеграфные сношения между администрациями Богословской и Омской дорог хо-

¹ См.: Сенин А. С. Железные дороги в марте — октябре 1917 г.: от кризиса к хаосу // Вопр. истории. — 2004. — № 3. — С. 42, 55.

² См.: Краткие сведения о деятельности главного управления почт и телеграфа в условиях текущей войны. — Пг., 1917. — С. 5, 7.

³ См.: Любович А. Основные моменты строительства народной связи 1917 — 1927 гг. // Жизнь и техника связи. 1927. — № 11. — С. 4.

дили 5 дней. Та же картина наблюдалась и с телеграфными передачами по другим грузам¹. Исчерпывающую характеристику работы отрасли на Урале в 1915 — начале 1917 гг. дали уральские связисты. «Начало беспорядков в почтово-телеграфном ведомстве, — писали они в Главное управление почт и телеграфов в г. Петроград, — было положено нашей общей неготовностью к работе в военных условиях. Это привело к катастрофическим последствиям. Уход лучших кадров и передача оборудования в военно-полевые учреждения способствовали тому, что своевременная доставка корреспонденции стала невозможной. В уральских городах связисты спали на рабочих местах, не уходили домой неделями, но справиться с работой не могли. Телеграфный обмен на Урале в годы войны удвоился, а линии и оборудование — сокращались. Это привело к невиданному ранее явлению: письма шли быстрее телеграмм, правительственные телеграммы лежали без движения. Важные государственные операции подвергались немыслимым превратностям из-за плохой работы телеграфа. Распоряжения об отправке войск приходили позже сроков отправки»². Неспособность транспортно-информационной инфраструктуры Российской империи справиться с возросшими военными нагрузками стала одной из косвенных причин поражения в мировой войне.

Временное правительство предприняло определенные усилия для стабилизации средств связи, но из-за отсутствия средств и явного увлечения политическими проблемами министры не смогли выработать реальной антикризисной программы по поддержанию коммуникаций в должном порядке. Не смогли они обеспечить и достойного материального достатка связистам, поддержать нормальные отношения с профсоюзом почтово-телеграфных служащих. Фронтальное изучение протоколов заседаний Временного правительства весны-лета 1917 г. показывает, что министры решали проблемы отрасли в пожарном порядке, и основной задачей оставалось изыскание средств для повышения заработной платы связистам³. На большее не хватало средств. Все правительства, которые менялись на протяжении марта-октября 1917 г., рассматривали связь как инструмент обслуживания интересов только

¹ См.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Док. и мат. М. — Л., 1957. — Т. П. — С. 25.

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 3527. Оп.2. Д. 218. Л. 9.

³ См.: Журналы заседаний Временного правительства // Архив новейшей истории — М., 2001. — Т. 1 (март-апрель 1917 г.). — С. 108, 161, 190, 194, 203; 2002. — Т. 2 (май-июнь 1917 г.). — С. 46, 137, 319, 369; 2004. — Т. 3 (июль-август 1917 г.). — С. 195.

органов власти. Весной эта политика маскировалась элементами популизма и революционной эйфории, летом — утонула в бесконечных дискуссиях и склоках с четырьмя профсоюзами связистов, осенью — привела к временному отключению от оперативной связи целых регионов из-за аварийного состояния магистралей и плохой исполнительской дисциплины работников.

Первоначально поддержка Временного правительства в учреждениях связи держалась на революционном популизме. Уже в первые недели революции последовали распоряжения об изъятии из учреждений связи всех символов прежней власти. Из контор и отделений были вынесены бюсты и портреты особ царской семьи, флаги и другие напоминания царизма. С 24 марта были отменены награждения орденами гражданских чиновников и производство в чины по гражданским ведомствам, а вместе с этим и унижительные формы обращения к старшим по должности. Служащие ведомства получили право ношения мундира без каких-либо знаков и ведомственных различий. Позже вышел указ о ликвидации всех половых, национальных, сословных и иных привилегий при переводе на более высокие должности, приеме на работу в учреждения связи. С апреля 1917 г. карьерный рост определялся только профессиональными навыками, организаторскими способностями, стажем работы. Особая присяга при приеме на работу в почтово-телеграфное ведомство осталась, но ее текст был изменен в либеральных традициях¹.

На март пришлось и кампания кадровых ротаций. Многие руководящие работники, приверженцы царских порядков, вынуждены были покинуть службу. Во всех уральских губерниях из контор ушли по политическим мотивам около двух десятков чиновников и инженеров, а основной состав связистов уже в первые дни присягнули новой власти. Отметим, что изгнание «царских сатрапов» из учреждений связи не сопровождалось самосудами или физической расправой. Кампания «чисток» была на порядок меньше, чем в горнозаводских округах, где с 42 заводов были изгнаны 142 специалиста, в т.ч. 14 директоров и 19 начальников цехов². Весной 1917 г. в отрасли продолжали действовать основные нормы Устава Российской империи по гражданской службе, хотя известный третий пункт статьи 788 (об увольнении по «волчьему билету») уже не работал.

¹ См.: Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 555. Оп. 1. Д. 8. Лл. 40, 42, 48.

² См.: Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 — 1941 гг. (численность, состав, социальный облик). — Екатеринбург, 2001. — С. 62.

Пожалуй, главной мерой Временного правительства весны 1917 г. стала реорганизация системы высшего управления связи. 5 мая 1917 г. вся сеть связи общего пользования России была выделена из МВД и подчинена новому министерству — министерству почт и телеграфов. Первым его министром стал видный политик и лидер умеренных социалистов И. Г. Церетели¹. Организация самостоятельного руководящего органа позволила создать определенные условия для свободы развития отрасли связи, но не изменила системы финансирования: как и в царские времена, действовал остаточный принцип распределения средств. Достаточно отметить, что в 1917 г. отрасль получила всего 1,3% от обыкновенных расходов госбюджета, что было явно недостаточно². Не только реконструкция, но и текущие ремонты линий почты не велись. На наш взгляд, остаточный принцип снабжения финансами и материальными средствами и стал основной причиной нарастания кризисных явлений в отрасли.

Деструктивные процессы были усилены непродуманной политикой профсоюзов, которая отличалась конфликтами с министерством, революционным обскурантизмом, явно завышенными требованиями по немедленному улучшению материального положения своих членов. Правительство объективно не могло выполнить всего, что требовали лидеры четырех союзов работников и техников учреждений связи. В 1917 г. общей тенденцией развития профдвижения России оставались синдикалистские устремления. В условиях нарастания экономического кризиса повсюду наблюдались попытки отстранить прежнюю администрацию от управления и передать производство профсоюзам. Не избежали этого и связисты. Уже на учредительном съезде почтово-телеграфного профессионального союза, который проходил в Москве в мае 1917 г., многие депутаты призывали к установлению полного контроля за деятельностью администрации. Последнее вызывало отрицательную реакцию министерства почт и телеграфов, которое на заседании Временного правительства провело вопрос о запрещении профсоюзам вмешиваться в административно-техническое управление сетью связи общего пользования³. При этом и министерство

¹ См.: Лебедев В. Н. Участие связистов в революционном движении России. — М., 1974. — С. 91.

² Расчет по мат.: Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. — М., 1962. — С. 312; Роспись общегосударственных доходов и расходов РСФСР на июль-декабрь 1918 г. — М., 1919. — С. 63.

³ См.: Журналы заседаний Временного правительства // Архив новейшей истории. — Т. 1. — С. 203; Базилевич К. В. Профессиональное движение работников связи в 1917 — 1918 гг. — М., 1927. — С. 85–86.

и руководство почтово-телеграфного союза не смогли выработать приемлемого компромисса по вопросам заработной платы, продолжительности рабочих смен, разграничению функций месткомов и администраций. Летом это спровоцировало ожесточенное противостояние министерства и профсоюзов: министр И. Г. Церетели на одном из заседаний правительства коммуникаций обвинил в развале коммуникаций профсоюзы и потребовал существенного ограничения их прав, вплоть до их полного подчинения администрации. В конце июня 1917 г. был опубликован Указ министра почт и телеграфов «О продуктивности работы в почтово-телеграфном ведомстве», в котором общее состояние связи в стране было характеризовано как критическое. Главной причиной кризиса министр назвал деструктивную работу профсоюза и невнимательное выполнение обязанностей служащими. И. Г. Церетели потребовал полного подчинения месткомов администрации¹. В ответ ЦК почтово-телеграфного союза впервые пригрозил министерству забастовкой. Антипрофсоюзные выпады министра-социалиста стали одной из причин его отставки. После событий 3 — 4 июля на этот пост был назначен другой меньшевик — А. М. Никитин.

С приходом нового министра борьба профсоюза и министерства не прекратилась. Временное правительство не могло выделить необходимые средства для развития отрасли и обеспечения достойного прожиточного минимума работников связи. Главенство меньшевистских лидеров в министерстве почт и телеграфов способствовало тому, что эта партия не пользовалась авторитетом среди связистов России. На одном из собраний в Петрограде в июле 1917 г. почтово-телеграфные служащие освистали и А. Ф. Керенского. Глава Временного правительства никогда более не выступал перед связистами². Этот факт советские историки интерпретировали как рост политического и классово-пролетарского сознания в среде чиновников почтово-телеграфного ведомства и начало их поворота к большевизму³. В реальности события проходили иначе: связисты весной-летом 1917 г. доверяли Временному правительству, но на многолюдном собрании делегатов питерских учреждений связи выдвинули требование повышения зарплат. Когда Керенский попытался объяснить, что для этого

¹ См.: ГАРФ. Ф. 6871. Оп. 1. Д. 541. Л. 3.

² См.: Пашкин. Организация Союза почтово-телеграфных работников в 1917 г. // Ленинградские профсоюзы за 10 лет. Сб. восп. — Л., 1927. — С. 200.

³ См.: Панкратова А. М. Политическая борьба в Российском профдвижении. 1917 — 1918 гг. — Л., 1927. — С. 93; Лебедев В. Н. Участие работников связи в революционном движении. — С. 97.

у правительства нет средств, он и был освистан¹. Большевистское влияние в это время в среде связистов оставалось крайне небольшим. Не вдаваясь в перипетии борьбы профсоюзных лидеров и министерства почт и телеграфов и лидеров Временного правительства, отметим, что первые, как и руководство ВИКЖЕЛЯ, вели свою игру, стремясь получить ряд ответственных постов в министерстве и администрации округов. Это способствовало открытому противостоянию и недоверию, отрицательно сказалось на развитии отрасли.

В целом на протяжении 1917 г. транспортно-информационная инфраструктура России входила в глубокий системный кризис. В 1917 г. число почтовых отделений в сельской местности сократилось по сравнению с 1916 г. в 2,7 раза. Следствием этого стало и снижение почтового обмена — основного информационного канала населения в тылу и на фронте. Критическое положение сложилось в электросвязи. Только за 1917 г. количество телеграфных аппаратов на российских линиях сократилось в 3,6 раза (с 13,8 тыс. шт. в 1916 г. до 5,0 тыс. шт. в 1917 г.). До критической отметки упало число электрических батарей и аккумуляторов, в два раза в сравнении с 1913 г. сократилась протяженность проводов на телеграфных магистралях. Падение телеграфного обмена началось в 1916 г., за год революции он снизился в 1,3 раза в сравнении с 1916 г. (с 157,5 тыс. телеграмм до 114,5 тыс.). В целом протяженность телеграфных проводов в 1917 г. составляла всего 80%, а телеграфный обмен — 43% от уровня 1913 г.² На Урале средства

¹ Временное правительство стремилось поднять зарплату служащим почт и телеграфов. Первое повышение состоялось в марте, второе — уже в июне, в последующие месяцы средства на зарплату связистам продолжали выделяться из внелимитных расходов. По неполным данным, Временное правительство открыло кредит на зарплату и пособия, а также на увеличение штатов министерству почт и телеграфов на 90 млн. р. (что было заметно выше, чем на аналогичные расходы по МПС). Правительство делало, что могло, в той экономической ситуации. К сожалению, оно не могло выполнить свои обещания, т.к. инфляция мгновенно съедала все прибавки к жалованью. Как особо отмечалось в обзоре Департамента государственного казначейства за 1917 г. — На протяжении февраля — октября стремительно росли сверхлимитные расходы, особенно на зарплату почтово-телеграфным служащим, и бюджет в результате получил катастрофический дефицит. — См.: Журналы заседаний Временного правительства // Архив новейшей истории. — Т. 1. — С. 109, 190; Т. 2. — С. 46, 319; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Док. и мат. — Т. II. — С. 382.

² Таблица составлена по мат.: Почтово-телеграфная статистика за 1915 г. — Пг., 1918. прил. № 8; Кожухов В. Как Советская власть строила телеграфную связь // Жизнь и техника связи. 1927. — № 11. С. 31; Почта и телеграф в 1918 — 1920 гг. // Статистический ежегодник 1918 — 1920 гг. — Труды ЦСУ М., 1921. — Т. 8. — Вып. 1. — С. 67–68; Почта и телеграф в 1913 — 1917 гг. // Статистический ежегодник за 1913 — 1917 гг. Труды ЦСУ. — М., 1922. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 233, 236, 238.

связи также испытывали большие перегрузки: телефонный обмен в 1916 — 1917 гг. упал более чем в два раза, почтовые тракты в сельской местности не действовали. Почтовые отделения — закрывались, а почтовые вагоны из-за аварийного состояния — не ходили. Связь с перебоями работала даже в крупных городах. Положение усугублялось борьбой профсоюзных органов и окружных администраций, кадровой «чехардой», развалом производственной дисциплины, текучестью работников. Как вспоминал старейший работник Чусовской почтово-телеграфной конторы Н. Русанов, революция принесла свободу, тогда что хотели, то и делали. Чусовской профком провел собрание, на котором решили сместить руководство конторы и передать власть рабочему. Только под большим нажимом Перми бывшего начальника восстановили на прежнем месте¹. Трагическую ситуацию в учреждениях связи края в это время отметил и ведущий инженер администрации Пермского почтово-телеграфного округа П. К. Кольфгауз. «Работать стало невозможно, когда появились советы и месткомы, — писал он в Министерство почт и телеграфов. — В их состав было избрано много неквалифицированных работников, чиновников низших разрядов, сторожей, почтальонов. Они охотно воспринимали льготы, выдвигали революционные лозунги, а деятельность администрации оказалась полностью парализована»². Это способствовало падению дисциплины и ответственности. В трудовых коллективах увеличивались кражи и грубость по отношению к клиентам, а также использование служебного положения в личных целях (отправление телеграмм «вне очереди», за мзду и др.). С лета 1917 г. связисты Урала жили по принципу: почта и телеграф не для общества, а для служащих. Образную картину реализации этого лозунга нарисовал один из работников Пермской городской ПТК. «Контора по ночам не работает, на запросы не отвечает, дежурные уклоняются от приема. Телеграфисты ведут себя грубо, отказываются от работы, позволяют неуместные пререкания. Необходимо срочно прекратить произвол в приеме телеграмм во избежание массового их накопления»³.

Плохая работа связи вызывала много нареканий у клиентов и населения. Начиная с лета 1917 г. пресса самых различных политических направлений обрушила на министерство почт и телеграфов и на работников связи шквал критики. «Революция принесла свободу и ее ложное толкование, — писала одна из популярных

¹ См.: Государственный архив Пермской области. Ф. 984. Оп. 2. Д. 2491. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. 3527. Оп. 2. Д. 218. Л. 8.

³ Цит. по: Объединяя мир людей. Пермская связь: 60 лет. — Пермь, 1998. — С. 35.

московских газет, — в результате расстройство почтово-телеграфного дела усиливается. Министерство почты и телеграфа уже завалено жалобами». «Россия стонет от почтово-телеграфного безобразия, — вторили ей другие издания. — Из 10 посланных открыток по почте в лучшем случае доходят одна-две. А сколько трагедий принесла посылка телеграмм почтой? Если до революции почта плохо, но работала, то сейчас (лето 1917 г. — Г. Ш.) вообще перестала. Положение с посылками писем и телеграмм хуже, чем во времена Николая I»¹. Известная журналистка Тэффи с присущим ей сарказмом предложила брать деньги с Министерства почты и телеграфа, когда граждане прибегают к услугам этого ведомства, чтобы хоть как-то вознаградить их за те мучения, которые они испытывают при отправке корреспонденции². В это время население перестало доверять государственной сети связи и прибегло к иным методам обмена информации. Хозяйственные и банковские структуры стали создавать свои каналы пересылки (посыльные и др.). В городах возникли частные предприятия по пересылке корреспонденции, причем объемы этого вида деятельности быстро росли. Население посылало письма и др. корреспонденцию с оказией. В городах стали обычными объявления: «Еду в г. Оренбург, доставлю корреспонденции»³.

Итак, вследствие непродуманной политики в отрасли связи, ухудшения материального положения связистов, наконец, общей слабости центра информационное поле и ресурсы власти в 1917 г. постоянно уменьшались. Это наглядно проявилось в снижении объемов телеграфного и почтового обмена, падении дисциплины и производительности труда в учреждениях связи, массовом недовольстве населения работой телеграфов и почты. Осенью 1917 г. общенациональный кризис проявился и в том, что жители городов уже не доверяли государственным учреждениям связи и использовали альтернативные способы посылки и получения корреспонденции. Неспособность Временного правительства поддержать в нормальном состоянии и рационально распорядиться информационными ресурсами способствовала заметному сужению информационного пространства, которым располагала власть уже летом 1917 г. Это стало одной из косвенных причин падения Временного правительства в октябре.

¹ Московский листок. 1917, 29 июня; Речь. 1917, 28 июня; Русское слово. 1917, 16 июля; и др.

² См.: Русское слово. — 1917, 29 апр.

³ ГАРФ. Ф. 6871. Оп.1. Д. 541. Л. 4.